

ния вселенной, так что если бы эти вещи лишились единства, то они мгновенно, одновременно с этим исчезли бы и пропали. Истинно единое, следовательно, есть создающее начало, поддер-живающее все созданное им, и всякая вещь нуждается в его поддержке и его силе настолько, что без этой поддержки и без этой силы она исчезла бы и пропала.

Поскольку уже ясно, что мы хотели сказать, толкуя о раз-нице между теми или иными видами единого, дабы выявить, что такое истинно единое — дающее, созидающее, могуществен-ное и поддерживающее — и что такое вещи, единые в возмож-ности, то есть единые благодаря тому, что дает им истинно единое, высокое и возвышающееся над атрибутами, приписывае-мыми ему еретиками, поскольку все это уже ясно, то мы тем и завершим настоящее рассуждение и поведем далее речь о том, что естественно вытекает отсюда¹⁰.

¹⁰ На этом обрывается дошедшая до нас рукопись трактата аль-Кинди «О первой философии».

Мудрый Аристотель в начале своего рассуждения о познании говорит: знание всякой исследуемой вещи относится к философии, которая есть знание обо всем¹. Поэтому первое, что нам следует сделать, это выделить части философии как именно такой науки и посмотреть, в какую ее часть входит изучение данного предмета.

Философия делится на знание и деятельность², и это потому, что и душа делится на две части, а именно: на разум и чувство, как мы это разъяснили в «Книге о категориях»³.

Поскольку философия есть не что иное, как порядок души, то и делить ее подобает на две части, ибо как душа делится на разум и чувство, так и философия делится на знание и деятельность; ведь очевидно, что знание составляет разумную часть, а деятельность — чувственную.

Разумная часть души делится на знание божественного и знание искусственного, ибо одни вещи таковы, что не отделены от материи (то есть являются не чем иным, как материей); другие таковы, что существуют благодаря материи, но отдельно от нее и не совокупно с ней; иные же таковы, что вовсе не связаны с материей.

Вещи, никак не отделенные от материи, суть вещи субстанциальные, или телесные. Вещи, вовсе не связанные с материей, суть божественные вещи, как, например, то, чем занимается богословие. Вещи, существующие не совокупно с материей, — это такие, как душа...⁴ Сами они состоят лишь из искусственных вещей, которые занимают среднее положение между

¹ В начале «Метафизики» Аристотель определяет «мудрость» как зна-ние обо всем («Метафизика», кн. I, гл. 2).

² То есть на теорию и практику.

³ Аль-Кинди имеет в виду свою работу «Книга о десяти категориях», до нас не дошедшую, но упоминаемую в трудах некоторых средневековых арабских авторов.

⁴ Здесь, по-видимому, пропуск в рукописном тексте, поскольку следую-щая за этим фраза не вяжется с предыдущим.

субстанциальными и божественными вещами. Ибо всевышний Аллах определил и расположил их между плотным, в чем нег ничего тонкого, и тонким, в чем нет ничего плотного⁵, дабы были пути к переходу от познания субстанций к познанию бо-жественных вещей, ведь иначе рассмотрение плотного не вело бы к постижению тонкого.

Деятельность также делится на виды, но в данных рассуждениях, говорим мы, лучше будет вести речь о познании вещей, а не о связанной с ними деятельности. Вот почему мы должны были рассмотреть эти две части, на которые делится философия, дабы затем выявить предмет данных рассуждений.

И мы говорим: одни вещи бывают во всех субстанциях, а другие не во всех. То, что бывает не во всех субстанциях, это все небесные (тела) — светила, сферы и тому подобное. То, что бывает не во всех субстанциях, — это (также) те вещи, кои подвержены возникновению и уничтожению. Одни из них находятся в земле, другие — на земле, а третьи — над землей. Вещи, которые находятся на земле, — это такие, как минералы; вещи, которые находятся на земле, — это такие, как животные и тому подобное; вещи, которые находятся над землей, — это такие, как дожди, облака, удары грома, молнии и прочие явления, происходящие в воздухе.

Что касается вещей, которые бывают во всех субстанциях, то их пять: первая — это материя, вторая — форма, третья — место, четвертая — движение, пятая — время. Во всякой вещи, в которой есть субстанция, существует материя, из которой она состоит, форма, в которой мы ее видим и благодаря которой она зримо отличается от других вещей, место, в котором она находится в известных пределах (ибо нет ни одного тела, коему не было бы уготовлено существование в известном месте и в известных пределах), а также движение, благодаря которому она существует. Движение бывает в определенном месте и в определенное время, так как время есть число движения. А раз мы объяснили, что во всяком теле имеется движение и что всякое движение совершается от одного места к другому, то станет ясно, что во всяком теле имеется и время.

Однако нам следует объяснить признаки пяти перечисленных сущностей на примере искусственных вещей, ибо в них имеются признаки этих пяти сущностей. Мы можем сказать, что эти пять сущностей имеются, например, в судне. Материей — одной из этих сущностей — здесь являются доски, из которых сооружено судно, а формой — стороны и углы, кои у него имеются и коими оно отличается от лестницы, двери и

⁵ Под «плотным» аль-Кинди подразумевает конкретные, чувственно воспринимаемые вещи, а под тонким — абстрактные понятия

прочих предметов. Далее, оно находится в определенном месте и обладает движением в определенном месте. Движение его также происходит в течение определенного времени.

Как эти пять сущностей имеются в судне, так они имеются и у прочих субстанций, которые воспринимаются чувством и о которых мы сочли нужным написать эту книгу.

А раз так, то нам в первую очередь следует знать, что началами существования всякой вещи служат две из этих пяти сущностей, а именно: материя и форма.

Прежде чем приступить к трем другим, нам следует начать с объяснения этих двух сущностей, ибо всякую вещь, нуждающуюся в объяснении, необходимо познавать путем выяснения начал ее существования, которые не являются четырьмя элементами⁶, принадлежащими к числу начал сложных тел. Но каждая вещь состоит из материи и формы, из коих образуются эти четыре (вида) — теплое, холодное, влажное и сухое, которые служат началами животных, растений и всего того, что подвержено возникновению и уничтожению.

Что касается материи и формы, то они начала для этих четырех видов; они — начала начал, они просты, им ничто не предшествует, ибо те четыре вида суть тела, в то время как материя и форма — не тела, а то, что составляет тела. То, что не является телом, не есть нечто сложное; вещи, составленные из чего-либо, суть сложные вещи, а то, что не составлено из чего-либо, не принадлежит к числу сложных вещей. Указанные четыре (вида) состоят из чего-то; эти же две (сущности) ни из чего не состоят.

Поэтому нам лучше всего будет начать с рассуждения об этих двух сущностях. Поскольку именно материя принимает форму, то о том, что принимает нечто, следует говорить раньше, чем о том, что принимается.

Нам необходимо знать, что всякая вещь объясняется не иначе, как посредством ее определения. А определение есть высказывание, составленное из рода, на основании которого существует определяемое, и видового различия, благодаря которому оно отличается от всех вещей.

Однако материя, как мы уже объяснили, принадлежит к числу высших родов, ибо у нее нет предшествующего рода. Отсюда, стало быть, явствует, что посредством определения она не может быть объяснена, ибо имеется определение лишь того, выше чего есть некоторый род. Поэтому мы должны рассмотреть то, посредством чего объясняется вещь, выше которой нет никакого рода, а об этом можно сказать: это то, чем дан-ная вещь отличается от прочих вещей, а именно различающие

⁶ Четыре элемента — земля, вода, воздух и огонь.

признаки, благодаря которым данная вещь отличается от других вещей, и присущие ей собственные признаки.

Далее, определение нам требуется тогда, когда мы имеем дело со сложной вещью, дабы судить по определению, из чего она состоит. Когда же мы имеем дело с вещью, не являющейся чем-то сложным, мы довольствуемся одними видовыми различиями, без рода, и они в таком случае называются собственными признаками.

А раз так, то нам следует выяснить, что такое материя по своим собственным признакам.

I. Рассуждение о материи

А это можно сделать, сказав следующее. Материя — это то, что принимает, не будучи само принимаемо. Материя — это то, что держит, не будучи само удерживаемо⁷. Материя такова, что если она упраздняется, то упраздняется и прочее, но если упраздняется прочее, то сама она не упраздняется. Из материи состоит всякая вещь. Материя — это то, что, не уничтожаясь, принимает противоположности. Материя не имеет никакого определения.

II. Рассуждение о форме

Что же касается формы, то под этим словом понимают разное. Поэтому всякий, кто желает объяснить какую-либо вещь, имя которой является общим и для других вещей, должен разъединить эту общность и отделить ту ее часть, которую он желает объяснить. А это можно сделать, сказав следующее.

Формы делятся на две части, из коих одна есть чувственно воспринимаемая форма, а другая — такая форма, которая подчинена роду и благодаря которой нечто становится родом и сказывается о многих по числу вещах. Первая форма — это та, благодаря которой данная вещь зримо отличается от прочих вещей своей субстанцией, качеством, количеством и остальными из десяти родов⁸. Она образует все вещи.

Форма, подчиненная роду, не принадлежит к числу этих простых начал, а поэтому нам нет нужды останавливаться на ней в этой нашей книге, ибо данная книга посвящена простым сущностям, имеющимся в каждом теле.

Что же касается той формы, благодаря которой данная вещь зримо

⁷ В «Метафизике» (кн. X, гл. 23) Аристотель говорит, что медь «держит» (является носителем) форму статуи, а тело «держит» болезнь.

⁸ Категорий.

отличается от прочих вещей, и простых начал, то нам следует объяснить их и рассказать о том, что они собой представляют. Поскольку же объяснения и рассуждения, касающиеся формы, известны из рассуждения о материи, то на этом рассуждении нам в первую очередь и следует остановиться. А это можно сделать, сказав следующее.

В простой материи есть некая потенция, благодаря которой вещи образуются из материи; этой потенцией является форма. Это значит, что форма есть потенция. Так, например, при соединении теплоты и сухости, представляющих собой нечто простое, возникает огонь. Таким образом, материя заключается в простом тепле и простой сухости; формой же здесь является огонь. Однако потенция в данном случае такова, что при соединении теплоты и сухости она превращает материю в огонь.

А теперь нам надо дать определение формы. И я говорю: форма — это видовое различие, благодаря которому та или иная вещь зримо отличается от других вещей, причем зрение здесь означает знание. Таково определение, отличающее форму от других вещей.

III. Рассуждение о движении

Что касается движения, то оно делится на шесть видов: во-первых, возникновение, во-вторых, уничтожение, в-третьих, превращение, в-четвертых, увеличение, в-пятых, уменьшение, в-шестых, передвижение с одного места на другое.

Что касается возникновения, то оно бывает лишь в субстанции, как, например, когда из теплоты и холода возникает человек. Точно так же и уничтожение бывает только в субстанции, как, например, когда человек обращается в прах.

Что касается увеличения и уменьшения, то таковые бывают лишь в количестве, как, например, то увеличение, которое происходит в некоторых телах. Так, если ты заметишь, что некое тело длиной в десять локтей стало потом длиной в девять локтей, ты назовешь это движение уменьшением, а если ты заметишь, что это же тело стало длиной в одиннадцать локтей, то это движение ты назовешь увеличением. Ибо будет ли движение происходить в числе или времени, или в чем-нибудь другом, что входит в категорию количества, если количество при этом станет больше, ты назовешь такое движение увеличением, а если оно окажется меньше — уменьшением. В действительности сокращается и возрастает лишь содержащееся в субстанции количество, ибо две вещи, из которых одна имеет длину в один

локоть, а другая — в четыре локтя, представляют собой одну субстанцию.

Что касается превращения, то оно происходит лишь в качестве, содержащемся в субстанции, как, например, когда нечто белое становится черным, или когда нечто холодное, подвергаясь изменению, становится теплым, или когда сладкое становится горьким.

Что касается перемещения, то оно делится на два вида: на вращение и прямолинейное движение. Вращение подразделяется на два вида: либо оно не меняет места нахождения движущегося предмета и лишь части предмета поочередно меняют свои места так, что он вращается вокруг срединной точки, служащей центром, не покидая места своего нахождения, как, например, движение сфер в природе или движение мельницы и акцидентальное вращение (как, например, движение метателей и умельцев⁹ в искусствах); либо же оно меняет место его положения, как, например, движение повозки (хотя в действительности ее движение состоит из прямолинейного движения и вращения).

Прямолинейное движение также делится на два вида, так как оно происходит либо по направлению к середине, как, например, движение воды и земли, либо от середины, как, например, движение воздуха и огня.

Что касается видов прямолинейного движения, то они бывают шести (направлений), а именно — вправо и влево, вперед и назад, вверх и вниз.

Все движения, связанные с изменением и превращением, суть движения в качестве.

IV. Рассуждение о месте

Относительно места вследствие неясности и тонкости того, что оно означает, мнения философов разделились. Некоторые из них утверждали, что места вообще не существует. Некоторые утверждали, что оно — тело (так, например, говорил Платон). Некоторые утверждали, что оно существует, но что оно не тело. Аристотель же утверждал, что оно есть нечто существующее и очевидное.

Это можно объяснить, если скажем, что такое место и каково оно. И здесь мы начинаем с выяснения того, существует ли место.

И мы говорим: если тело увеличивается, уменьшается или движется, то необходимо, чтобы это происходило в чем-то та-

⁹ Речь идет, видимо, о каких-то играх, вроде метания диска.

ком, что больше тела и что объемлет тело. То, что объемлет тело, мы называем местом. Ведь в самом деле, иногда там, где пусто, ты видишь воздух, а иногда там, где был воздух, ты видишь воду. Происходит это так потому, что, когда вода входит, воздух удаляется. Но место при этом остается и с уничтожением того или другого не уничтожается. Таким образом, выяснилось: место есть нечто существующее и очевидное, и нам — после того, как мы узнали, что оно существует, — следует узнать, что оно собой представляет, и опровергнуть рассуждения тех, кто нам противоречит и полагает, будто место есть тело.

И мы говорим: если бы место было телом, то тело принимало бы тело; таким образом, тело и само принимало бы и его принимали бы, и так было бы без конца, а это неверно. Таким образом, ясно, что противоречащее нашему мнению утверждение о том, будто место есть тело, ложно.

А раз так, то место представляет собой не тело, а поверхность вне тела, которое объемлет место. Утверждение это станет ясным из известного тебе факта, что если простая материя имеет длину, ширину и глубину, то она называется телом; если же предположить материю имеющей длину и ширину без глубины, то в этом случае она будет называться поверхностью, а если предположить материю имеющей длину без ширины и глубины, то в этом случае она будет называться линией. Место же принадлежит не к той материи, которая имеет длину, ширину и глубину, а к той, которая имеет длину и ширину без глубины.

Такова суть бытия места, благодаря которой оно отличается от всего прочего.

V. Рассуждение о времени

Относительно времени мнения философов также разделились. Некоторые из них утверждали, что это само движение; другие же утверждали, что это не движение. Итак, нам необходимо выяснить, какое из этих двух утверждений истинно, а какое ложно. А это мы сделаем, сказав следующее.

Движение, имеющееся в какой-либо вещи, существует в свойствах данной движущейся вещи, и это движение находится не в каждой вещи данного вида, а только в этой. Что же касается времени, то оно находится в каждой вещи одного вида или од-ного рода, и различие его не зависит от различия вещей.

Стало быть, ясно, что время не есть движение и что утверждения тех, кто говорил, будто само время есть движение, ложны. Ясно также, что быстрота и медленность движения познаются лишь благодаря времени, ибо медленным мы называем то, что движется долгое время, а быстрым — то, что

движется короткое время. Суть бытия времени познается лишь способом, о котором я расскажу ниже.

Сделать это можно, сказав следующее. «Теперь» соединяет прошедшее время с будущим. Однако существующее между ними «теперь» не имеет длительности, и оно проходит прежде, чем мы о нем подумаем. Это «теперь», стало быть, не есть время. Однако если представить в уме нечто между двумя «теперь», то мы тем самым представим себе, что между ними существует время. А это значит, что время заключается не в чем ином, как в «прежде» и «после», и оно есть не что иное, как число. Время, стало быть, есть число, исчисляющее движение.

Согласно мнению ученых мужей, есть два вида исчисляемого: раздельное исчисляемое и непрерывное исчисляемое. Время принадлежит не к раздельному, а к непрерывному числу.

Вот определение времени, благодаря которому оно называется непрерывным: время есть воображаемое «теперь», соединяющее прошедшее с будущим.

ОБЪЯСНЕНИЕ БЛИЖНЕЙ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УНИЧТОЖЕНИЯ

В том, что воспринимается чувствами (да сделает тебе Аллах сокровенное явным!), содержится очевидное доказательство упорядочивающей деятельности некоего первого упорядочителя, то есть того, что является упорядочителем для всякого упорядочителя, действителем для всякого действителя, создателем для всякого создателя, началом для всякого начала, причиной для всякой причины, — явное доказательство для тех, чьи чувства соединены со светом их разума, чьи искания направлены на обнаружение истины, чья цель заключается в том, чтобы придерживаться истины и выявлять ее, равно как и судить о ней, кто спорные вопросы, возникающие в душе, решает, руководствуясь разумом. У всякого, кто обладает такими качествами, перед взором души будут сорваны темные покровы невежества, душа его с отвращением откажется от склонности к жалкому тщеславию, будет гнушаться низкого дела самовосхваления, почувствует неприязнь к проникновению темного, неясного, освободится от сомнений в очевидном, устыдится притязаний на приобретение того, чего она не находит, и неумения сохранить то, что она находит. И тогда она не будет противоречить себе и рьяно выступать за то, что ей противно.

Так будь же именно таким, и да поможет тебе Аллах, о славный образ, о драгоценная жемчужина! Пусть тебе будет ясно, что Аллах (великая ему хвала!), как это явствует из наших рассуждений о первой философии, есть истинное бытие, кое никогда не было и не будет несущим, что он извечен и непреходящ, что он есть единое живое, не имеющее в себе ничего множественного, и что именно он — первая причина, у которой нет причины, действующая причина, у которой нет действителя, энтелехиальная причина, у которой нет энтелехии, создатель вселенной из ничего, — тот, кто одни ее части сделал причинами и условиями других ее частей.

В строе и порядке этого мира, во взаимном действии его частей, в следовании одних его частей за другими, в подчинении одних его частей другим, в совершенстве строения мира,